

богото. Целые сутки в тише сидел, савз отсюда вы-
брался.

Воротясь домой — жена родила, надо за попом
ехать, ребенок крестить.

— Нет, — говорит, — не поеду за попом!

— Опясто так?

— Журавлей бойсь! Опить полесут по поднебесью,
пожалуй, с телеги сорвусь, до смерти ушибусь!

— Не бойсь! Мы тебя к телеге канатом прикру-
тим.

Вот хорошо, положили его в телегу, обвязали канатом,
дошлаь позорилка на дорогу; стегнули раз, другой — она и поехала рысцою.

За деревней-то был колодец, а лошадь-то была не
посна; задумалось ей нытись, свернула с дороги в сторону и прямо к колоде; а колодец был без сруба, а шой, престоличный; лошадь наклонилась к воде, а хомут боль-
через голову и съехал долой.

Вот лошадь напилась и пошла цвак, а мужик с телегой остался у колодца.

На ту пору зыгнали охотники из лесу медведя; медведь просился со всех ног, набежал на телегу, хотел дерескочить, прыгнул — да прямо в хомут и попал! Видит, что беда на носу, и пошел вылезать что есть сил с телегою.

— Батюшки, помогите! — кричит мужик.

От того крику медведь еще лучше надулся; пошел таскать по кочкам, по яругам (*крутым оврагам*), по бо-лотам. Прибежал на печлыник, полез на дерево и телегу за собой потащил — захотелось, видно, медку попробовать. Влез на самую верхушку, а телега вниз тинет: бедный медведь и сам не рад, ни взад, ни вперед! Немного спустя времени принтел хозяин, увидал медведя.

— Ага, — говорит, — попался! Виль, ты какой бездельник, Мишка: не просто за медом пришел, на телеге приехал!

Схватил топор и ну рубить дерево под самый конец. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задало видо совсем мужика; а медведь выскопыт из хомута да бежать; только улесн бог ноги!

Вот каковы журавляги!